

МИР ХУДОЖНИКА

МЕЧТА И ВЕРНОСТЬ ЕЙ

БУЛАТУ Аюханову прочили блестящую судьбу солиста балета. После дебюта на сцене Казахского академического театра оперы и балета имени Абая он был замечен публикой и критикой. После большого концерта казахских артистов в Кремлевском Дворце съездов столичная пресса отметила его в числе талантливых молодых солистов балета. Это было в 1958 году. А в начале 1966-го Булат Аюханов дал первое интервью для республиканской молодежной газеты «Ленинская смена»: «В Казахстане создан театр хореографических миниатюр. Пока в нем два исполнителя: заслуженная артистка Казахской ССР Инесса Манская и я. Мы надеемся, что со временем в труппу придут лучшие выпускники нашего училища, и театр хореографических миниатюр займет достойное место среди творческих коллективов Казахстана».

Сегодня в казахском театре хореографических миниатюр, «Молодом балете Алма-Аты», — двадцать один исполнитель. Режиссер-педагог этого коллектива Инесса Манская, художественный руководитель и главный балетмейстер Булат Аюханов.

Ныне «Молодой балет Алма-Аты» представлял советское искусство в Финляндии, принимал участие в декадах казахского искусства в Узбекистане, выступал в Москве.

Перед отъездом на гастроль в Алма-Атинском дворце культуры имени Ленина состоялся вечер ансамбля. В зрительном зале дворца три тысячи мест. Чтобы не лишать праздника желающих попасть на

концерт, продавали входные билеты.

В антракте я встретила знакомых с алма-атинского завода тяжелого машиностроения, домостроительного комбината. Булату сообщили, что на концерте «в полном составе» Институт ядерной физики.

«Молодому балету Алма-Аты» пять лет. Средний возраст артистов — девятнадцать. Все комсомольцы. Правственное кредо коллектива — верность. Творческое — верность.

Передаю слово Булату Аюханову:

— О театре миниатюр лично для себя я начал думать в хореографическом училище. В ГИТИС, на балетмейстерское отделение, меня привела дрезкая мечта стать создателем театра миниатюр в Казахстане. То, что я желал для одного себя, мне захотелось дать многим: возможность экспериментировать, возможность раскрыть и осознать свою индивидуальность. Пока нередко случается так: на балетную сцену приходит актер, дарование которого не укладывается в рамки давно известных, четко определенных балетных амплуа, но ему все-таки «привинчивают» какой-то опознавательный ярлык для того, чтобы ввести в очередной программный спектакль, а потом с этим же ярлыком — в следующий. Постепенно то, что нес в себе актер «не ярлычного», отмирает за ненужностью. Говорю это, опираясь на известный мне опыт. Моя творческая жизнь в Казахском театре оперы и балета имени Абая началась угрожающе удачно. Да, угрожающе... Мои личные успехи на сцене, моя страстная ув-

леченность исполнительским мастерством угрожали работе «на мечту» (в Алма-Атинском хореографическом училище я вел экспериментальный класс). Было и оправдание «в свою личную пользу» — мотыльковый срок жизни балетного актера. Все, что можешь, делай сегодня, завтра будет поздно. У нас особая мера времени, необходим ускоренный ритм творческой жизни...

Театр двух танцовщиков — это же ошеломляющие возможности! Я готов был с утра до ночи репетировать с моей партнершей Инессой Ивановной Манской. Я был очень молод, чувствовал, что многое могу. Танец для меня — праздник, жизнь.

Верность мечте, приведшей в ГИТИС, помогли мне сохранить мои учителя: народная артистка Казахской ССР Шара, Инесса Ивановна Манская, моя ученица Таия Анощенко. Зимой 1967 года на Всесоюзном конкурсе в Москве Татьяна заняла третье место. Ее тут же пригласили в ансамбль Моисеева. Тяня отказалась от прославленного, всемирно известного ансамбля в пользу нашего, тогда еще не существующего, не имеющего названия.

— Я помню ваше интервью, в котором вы первый раз сказали: «Молодой балет Алма-Аты», и тогда же сформулировали программу: «Наша цель познакомить широкого зрителя с лучшими страницами казахского эпоса, выраженного в классическом танце».

— Да, мы думали работать в рамках этой программы. Моя дипломная работа балетмейстера-постановщика — «Вечер классического балета». Он был поставлен на сцене Казахского театра оперы и балета имени Абая. Потом была сделана экспериментальная постановка балета на музыку Брусиловского «Кыз Жибек». Мы пытались рассказать эту поэтичную страничку казахского эпоса языком классического танца. Мы — это Шара, я и выпускники экспериментального класса хореографического училища, которые пришли в «Молодой балет Алма-Аты». И сегодня для нас классика — святая

святыя. Мы отлично понимаем, что это традиции, школа, фундамент, без которого невозможны поиски современного балетного театра. Классика — беспощадно суровый профессионализм, который приобретает методичной изнурительной работой. И мы идем этим путем, обязываем себя идти этим путем. Ресурсы классического танца неисчерпаемы. Пытаясь расширить рамки балетных форм, мы перевели на язык танца музыку русских и западных классиков, советских композиторов...

Программный принцип нашего экспериментального ансамбля: твори, выдумывай, пробуй! Создавая балетные миниатюры, мы широко обращаемся к народному бытовому танцу, физкультуре и спорту, реальной жизненной пластике. Вообще-то мы стремимся ставить как можно больше вещей разных и, конечно, по возможности, хороших. Лучшие номера остаются в репертуаре. Слито соблюдается принцип, оговоренный в первый год жизни ансамбля: каждый имеет право репетировать то, что, по его мнению, наиболее соответствует его актерским возможностям, творческим устремлениям. А потом — отбор, обсуждение, в котором все имеют право решать, какой голос разумно воспринимать замечания, разумно подчиняться разумным «приговорам».

— Ох! Не слишком ли много «разумного»?

— У нас слишком много эмоционального: в силу возраста, характеров, профессий. Эмоциональность — безусловное профессиональное качество актера, тем более балетного, как, скажем, развитое чувство ритма, пластичность, природная музыкальность. Но наши эмоции тоже должны уметь по возможности, обретать благородство. Меня всегда поражают не только талант, мастерство, но необычайная утонченность культуры в работе Махмуда Эсамбаева. Когда он был в Алма-Ате, мы приглашали его к нам на репетиции. И, знаете, его присутствием определялся уровень репетиции. И Владимир Рецетер.

Мы тогда только начали готовить «Гамлета» — двухактный балет Анды Исаковой. Артист читал Шекспира у нас, специально для нас. Мы очень дорожим дружбой композиторов Газизы Жубановой, Анды Исаковой, Нургисы Тлендиева, скульптора Михаила Махова, художника Эрнеста Гейдебрехта...

Половина нашей короткой жизни прошла на гастролях — мы уже проехали весь Советский Союз от Дальнего Востока до Прибалтики. Так вот и на гастролях мы стараемся победить текучку, усталость, выкроить время для того, чтобы уметь, чтобы приобщиться к культурным и духовным ценностям того края, где гостим, тех людей, для которых мы танцуем. Обычно мы увозим из «чужих мест» не только рецензии, но и что-то такое необходимое для души, не поддающееся точным словесным формулировкам. Если приблизительно, то, наверное, людскую доброту, может быть, отзывчивое расположение...

— Мне думается, что зрители любят «Молодой балет Алма-Аты» не только за профессиональное мастерство, кстати сказать, не всегда ровное.

— Принципиально неровны! — горячо утверждает Булат еще одну «заповедь» своего коллектива. — «Молодой балет» — значит, действительно молодой, и мы постоянно берем под свое крыло «гаджик утят», едва выплывших из яйца. Уния постепенно, на глазах у зрителей превращаются в белых лебедей.

Так вот я думаю, что артисты «Молодого балета Алма-Аты» привлекают зрителей не только профессиональными качествами, верностью искусству, но и верностью нравственным идеалам, самым высоким и самым простым, изначально.

Возможно, они и раньше чувствовали то, что сегодня сказал вслух Булат Аюханов.

Беседу вел В. МАРИЧЕВА,
соб. корр. «Советской культуры».
АЛМА-АТА.